О. Н. Савицкая

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XX В.

В статье проанализированы позиции православного духовенства по важнейшим общественно-политическим вопросам начала XX в., направления и приемы их практического участия в политической борьбе.

Ключевые слова: православная церковь в начале XX в., православное духовенство, Саратовская епархия.

O. N. Savitskaya

POLITICAL ACTIVITIES OF THE CLERGY IN THE CONTEXT OF THE STATE POLICY OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

In the article the author analyzes positions of the Orthodox clergy concerning the most important socio-political issues of the beginning of the 20th century, directions, and techniques of their practical participation in political struggle.

Keywords: orthodox church at the beginning of the 20th century, Orthodox clergy, the Saratov eparchy.

Православное духовенство не было единым сословием. Внутри него выделялись различные группы, материальное и общественное положение которых весьма различалось между собой. Это положение определялось разницей в доходах, уровне богословской подготовки, местом в церковной иерархии, степенью близости к светской власти, делением клира на «белый» и «черный» и пр. Но в эпоху революционного кризиса начала XX в. все эти обстоятельства приобрели новое звучание, придали внутрицерковным разногласиям явно выраженный политический характер. Глубокий общенациональный кризис ускорил процессы разделения церковного клира на множество политически пристрастных группировок, сориентированных практически на все цвета политического спектра того времени. Часть духовенства перестала быть просто служащими государственного ведомства православного вероисповедания, отмежевалось от официальной позиции Святейшего Синода, продолжавшего

настаивать на аполитичности и надсоциальности пастырского служения, и заявило свои права на самостоятельную позицию.

Особенно ярко этот процесс проявился в годы революции 1905—1907 гг., когда духовенство перестало отрицать возможность общественно-политической деятельности для священника как «ложный аскетизм», и пришло к убеждению, что священник должен войти в самую гущу жизни и своим высоким примером явить образец общественного деятеля. При этом пастыри ссылались на пример самого Христа, который не безразлично относился к современной ему жизни евреев [1].

Чем вызван отход части церковно- и священнослужителей от официальных позиций? Духовное образование и христианское воспитание не позволяли части духовенства быть простыми «ретрансляторами» казенных идейных установок. В духовных семинариях священники усваивали роль распространителей высоких моральных ценностей. «Соль земли», «свет миру» — это был

формируемый образ священника. Особое значение в социальной психологии духовенства занимали идеи пасторского долга, требующие следовать справедливости, в том числе и социальной. Неудивительно, что некоторые саратовские священнослужители не противопоставляли себя интеллигенции, а считали себя ее частью [2].

Исходя из того, что российская интеллигенция — это особый общественный слой, не столько занимающийся профессионально умственным трудом, сколько люди с определенным мировоззрением, направленным на служение общечеловеческим идеалам, отличающиеся гражданственностью, высокими нравственными принципами, то, безусловно, церковная среда содержала в себе таких представителей.

В то же время следует подчеркнуть, что в центре внимания большинства течений внутри духовного клира стояли вопросы внутрицерковной жизни. Признавая кризис Православной Российской церкви (ПРЦ) [3] и необходимость выхода из него на путях возрождения соборности, они по-разному видели причины этого кризиса, неодинаково оценивали современное состояние дел в церкви, государстве и обществе, выделяли в качестве главных и приоритетных различные задачи, демонстрировали приверженность к разным формам и методам их разрешения.

С одной стороны, в Саратовской губернии, как и по всей стране, началось движение части демократически настроенного и близкого к сельской общине приходского клира. Оно началось снизу и заявило о себе на благочиннических и уездных съездах саратовского духовенства и мирян в Балашове, Сердобске, Камышине, Аткарске, а также экстренном епархиальном съезде в июне 1906 г. На них пастыри высказывались за ограничение или свержение самодержавия, национальную автономию народов Российской империи, снятие правовых ограничений с евреев, амнистию политических заключенных, отмену смертной казни. Они требовали немедленного решения аграрного вопроса путем бесплатной раздачи крестьянам казенной, удельной, помещичьей и

церковной земли, снятия военного положения и удаления карательных казачьих отрядов из губернии [4].

Что касается внутрицерковной жизни, то здесь преобразования предполагалось начать с реформы прихода. Восстановить самоуправление приходской общины. Ввести выборность духовенства, в том числе и епископов, отменить монополию монашеского черного духовенства на власть, открыть доступ к высшим церковным должностям белому духовенству. Передать мирянам ведение церковного хозяйства, допустить их к участию в благочиннических и епархиальных съездах с правом решающего голоса без различия пола. Сократить число налогов, выплачиваемых церковным приходом. Освободить церковный приход от чрезмерной опеки светской и церковной администрации. Сократить церковное делопроизводство, количество богослужений и постов. Сделать необязательным ношение духовной одежды и длинных волос. Провести реформу духовно-учебных заведений и открыть доступ их выпускникам в университеты. Уничтожить церковно-приходские школы, как лишнюю «обузу» для священнослужителей. Высказывались отдельные требования об увольнении наиболее одиозных представителей епархиальной администрации. Среди решений встречаются требования даже об упразднении церковной иерархии. Предлагалось отнять апостольские прерогативы у епископов и возложить их на иереев, дьяконов и псаломщиков, которые должны стать «заправителями» всей церковной жизни».

На экстренном епархиальном съезде в 1906 г. некоторые отцы-депутаты возбудили вопрос о постепенном закрытии монастырей в епархии как «не имеющих заслуг или неизвестных строго идеальной жизнью монашествующих», а имущество и капиталы их отобрать в пользу духовенства.

Решения этих съездов свидетельствовали о поддержке частью местного духовенства либеральных, а по некоторым положениям и радикальных взглядов, о наличии в их среде твердых убеждений и программных положений по

многим вопросам общественно-политической и церковной жизни. И хотя многие из этих требований носили противоречивый характер, они явственно высвечивали острейшие проблемы внутренней жизни ПРЦ, закладывали основы будущего обновленческого раскола.

О степени распространения подобных воззрений среди духовенства епархии судить сложно. Но даже их политические противники утверждали, что носителей этих взглядов немало. Корреспондент «Саратовского духовного вестника» заверял: «Саратовская губерния, по степени распропагандированности занимающая в империи едва ли не первое место... выдвинула значительное количество духовных лиц, настроенных в духе освободительного движения ... свободных отцов-Радикаловых ... «передовых» отцов» [5].

Однако дальше деклараций на съездах дело не пошло, какого-либо организационного закрепления эти положения не получили, да и в условиях сохранения самодержавного и синодального строя и не могли. Поместный собор, который мог бы разрешить часть этих вопросов, постоянно откладывался. Свою роль сыграло и поражение революции, ужесточение политического режима в стране, отсутствие легальных возможностей в структуре епархиальной жизни для проявления оппозиционного мнения, неприемлемость для большинства священнослужителей политических, особенно революционных методов борьбы, разрозненность духовенства и др.

Близость к крестьянству большинства рядовых церковно- и священнослужителей, часто практически одинаковые условия существования, бедность, нужда предопределили борьбу некоторых низших клириков, псаломщиков, дьяконов, прежде всего, за крестьянские интересы, за землю. Они участвовали в создании Крестьянского союза, вели политическую агитацию среди своей паствы вплоть до призывов к свержению самодержавия и поджогов помещичьих имений [6]. В следственных делах консистории за эти годы появилась даже стандартная формулировка, применяемая при увольнении таких пастырей:

«Уволен за штат за политическую неблагонадежность».

Однако переход части пастырей на революционно-радикальные позиции в политике иногда приводил их к отрицанию самой веры как таковой. В пылу политических баталий забывались порой и достоинство сана, и сама «правда», к которой шли отнюдь не праведными путями.

В этом отношении показательным делом священника села Репьевки Балашовского уезда Василия Мамонтова. По его признанию, он стал священником, чтобы избежать наказания за уничтожение секретной переписки на прежнем месте службы и вести революционную пропаганду в деревне. Крестьяне его прихода, находясь под судом, подали прошение о привлечении и его к ответственности за подстрекательство их к поджогу имения помещицы Орловой в октябре 1905 г. [7].

Показателем времени стал рост в консистории следственных дел о богохульстве, сквернословии, неповиновении властям, халатном отношении к своим обязанностям и хулиганском поведении клириков, разборе их доносов друг на друга с обвинениями в политической неблагонадежности.

Но наибольшее влияние на общественно-политическую жизнь Саратовской губернии оказала консервативно настроенная часть духовенства во главе с епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором, которые призывали к открытой борьбе с противниками православно-монархических начал русской государственности.

Но даже правое крыло церковного клира не могло не видеть того, что в условиях революционного кризиса авторитет монархического государства катастрофически упал. В сознании многих мирян церковь ассоциировалась с разрушавшейся самодержавной монархией. Поэтому при неизменной поддержке самой идеи сохранения православной монархии в России консервативно настроенная часть духовенства пыталась дистанцироваться от данного государства начала века, доказать, что ПРЦ обладает своим собственным голосом, звучащим отдельно от светской власти.

Именно для этого, как нам представляется, страстные ненавистники «интеллигенции, жидов, богатеев и чиновников» епископ Гермоген, иеромонах царицынского Свято-Духова монастыря Илиодор, объединив в 1908 г. свои усилия, начали яростную борьбу на два фронта — против либерально-революционного лагеря и бюрократии.

Епископ Гермоген и его сторонники, как и представители, условно говоря, либерально-демократического клира, видели необходимость усиления влияния Православной церкви на прихожан, но при этом делали ставку на упрочение и расширение прерогатив власти епископа, превращение церкви в «воинствующую» и обличающую всех и вся организацию. По их убеждению, подобные методы могли послужить залогом преодоления таких опасных и негативных процессов в рядах православной паствы, как революционное бунтарство, атеизм и религиозный индифферентизм.

В 1905—1906 гг. саратовское духовенство приняло активное участие в организации и деятельности местных отделов правомонархических партий, и, прежде всего, отдела Союза русского народа. Но союз православных монархистов с ними оказался непрочным и скоротечным. После размежевания с последними в августе 1907 г. православные монархисты организовали собственную церковно-политическую общественную организацию правомонархического толка — Всероссийский православный братский союз русского народа. Формальной причиной послужил § 3 Устава Союза русского народа, в котором говорилось, что на равных правах с православными в члены Союза могут входить и старообрядцы [8]. В июне 1906 г. на собрании Совета учредителей и членов саратовского отдела Союза русского народа по предложению епископа Гермогена было принято постановление об изменении устава для внесения в него «духа религиозного патриотизма» [9].

Идеология Братского союза опиралась на известную трехчленную формулу «православие, самодержавие, народность», где первенствующее положение отдавалось религиозной

составляющей триады, с наполнением ее мессианскими идеями «Святой Руси». Упрочение христианского государства представлялась не только проблемой религиозной, но и политической. Православные монархисты видели в своем Союзе церковно-общественную организацию с политической программой защиты самодержавия.

Они не отождествляли существующий в России политический строй, близкий к западноевропейскому абсолютизму, со своим политическим идеалом. Коренным пороком европейского абсолютизма православные монархисты считали преобладание в общественной жизни «бездушного» права над духовным началом. В программных документах Братского союза подчеркивалось, что «современный бюрократический строй, заслонивший светлую личность русского царя от народа и присвоивший себе часть прав, составляющих принадлежность русской самодержавной власти, привел Отечество наше к тяжелым бедствиям и потому подлежит коренному улучшению».

Одним из последствий абсолютизма стало, по мнению правого духовенства, «вавилонское пленение» церкви бюрократией, которое могло быть преодолено восстановлением патриаршества (патриархи — это «заступники» за народ и церковь перед «земным троном») [10] и возрождением ее допетровского канонического соборного устройства, которое, однако, не допускало демократизации внутренней жизни церкви (наделения прихожан правом голоса в решении церковных вопросов, выборности духовенства от низшего клира до патриарха, автономии духовных учебных заведений).

Все ключевые посты во Всероссийском православном братском союзе русского народа занимали священнослужители. Его почетным председателем согласно уставу был епархиальный архиерей, первичной ячейкой Братского союза стал церковный приход.

Самым уязвимым местом программы Братского союза стал раздел по социальным вопросам. Проблему устройства народного быта предлагалось разрешать на основе Евангелия, что

означало перенесение основного центра тяжести на развитие христианской благотворительности (открытие больниц, богаделен, приютов, домов трудолюбия, кооперативных товариществ и т. п.). Дискуссии о путях социально-экономических преобразований в России православные монархисты переводили в плоскость национальных отношений. Они утверждали, что «засилье инородцев», враждебно относящихся к русскому народу, сдерживало развитие национальной экономики.

В программе Братского союза вслед за декларацией о главенствующем и первенствующем положении ПРЦ в империи шла декларация о «первенствующем значении» русской народности, создавшей великое и могущественное государство. Все иноверцы и инородцы воспринимались православными монархистами как «еретики», «интернациональные захребетники» и потенциальные участники жидо-масонского заговора против России. Широко пропагандировался антисемитизм. Единственным правом, признаваемым православными монархистами за евреями, было право «не иметь никаких прав» [11].

По аграрному вопросу правое саратовское духовенство последовательно выступало за сохранение крестьянской общины, которая одновременно играла роль церковного прихода. Насаждаемые столыпинской реформой хутора и отруба, по их мнению, способствовали падению православных ценностей в народной среде. Оторванные от приходского храма хуторяне легко становились «добычей и жертвой пропагандистской деятельности» сектантов и революционеров [12]. Часть из них разорялась и превращалась в пролетариев, «зараженных инородческим социализмом». Кроме того, хутора подрывали и без того шаткое материальное положение священнослужителей. Обязательства по материальному обеспечению духовенства для вышедших из общины автоматически упразднялись. Оставшиеся члены общины оказывались зачастую не в состоянии содержать церковно-приходской клир [13].

Отдельные правые священнослужители доходили даже до отрицания частной собственности на землю [14]. Саратовские октябристы обвинили их в «аграрном коммунизме». Но подобные взгляды не нашли отражения в официальных документах Братского союза.

Православные монархисты всячески подчеркивали «патриотическую» направленность своей деятельности и заявляли о своем монопольном праве на трактовку патриотизма. Они противопоставляли «истинный духовно-религиозный» патриотизм патриотизму «языческому», в котором любовь выражается только к Отечеству [15]. «Напрасно, кто хотел бы думать, — утверждалось в «Саратовском духовном вестнике», — что можно быть полезным членом общества и вместе плохим членом Церкви. Гражданин то же, что и христианин» [16].

Политический компромисс в свете проповедования церковью «вечных» истин рассматривался православными монархистами как «прислужничество». Поэтому возможность их диалога с другими общественными и политическими организациями практически исключалась.

Существенным отличием практики православно-монархических организаций от светских политических партий того же направления было то, что отработанные столетиями церковные, религиозно-нравственные способы влияния на власть и общество (открытие церковно-приходских школ, устройство религиозных чтений, собраний, бесед, распространение книг, брошюр соответствующего направления, издание газет, журналов) они переплетали с приемами гражданской политической борьбы (участием в выборах в Государственную думу, ведением политической полемики со своими оппонентами, направлением прошений и запросов в различные инстанции по тем или иным проблемам реальной общественной и политической жизни).

По своему социальному составу православно-монархические и правомонархические организации мало чем отличались. Среди их членов были представители всех социальных слоев русского населения. На деле они стали выразителями чаяний людей с определенным умственным строем, с патриархально-

консервативной ментальностью. Больше всего сторонников они нашли в тех слоях российского общества, которые впервые были подняты к активной политической жизни событиями революции 1905—1907 гг. Ранее пассивные и малообразованные, культурно неразвитые люмпены, деревенская и городская беднота, не способные овладеть даже простейшими элементами политической культуры, потянулись к тем, кто призывал их к привычному, вкопченному в них веками идеалу самодержавной монархии с добрым, народным царем, облачая этот идеал в знакомую религиозную форму. Религиозный компонент православно-монархического движения, умение православных священников умело воздействовать на духовно-эмоциональные сферы сознания привели к тому, что в числе участников православно-монархического движения оказалось немало женщин из всех сословий и детей разных возрастов.

Пик активности православных монархистов в Саратовской губернии пришелся на межреволюционный период. Затем целый ряд как объективных, так и субъективных факторов повлекли за собой постепенный спад и уход этого движения с политической арены.

Одной из главных причин такого поворота событий стало то, что надежды православных монархистов на возвращение России к неограниченному самодержавию не оправдались. Третьеиюньская монархия отличалась от царизма дореволюционной эпохи. Буржуазные свободы, провозглашенные Манифестом 17 октября 1905 г., хоть и были значительно урезаны в годы реакции, но не ликвидированы.

Стремление православных монархистов к утверждению русских национально-религиозных ценностей все больше превращалось в отрицание очевидных изменений в общественно-политической и религиозной жизни российского общества. Рецепты решения общественных проблем, предлагаемые саратовским духовенством, не срабатывали даже применительно к собственным организациям. Их хозяйственная неэффективность, отсутствие необходимых навыков и знаний подобной работы у православных пастырей, религиозно-политическая, этническая ограниченность, отталкивание интеллигенции стали причинами того, что они нигде надолго не объединяли большую массу людей. С каждым годом

нарастали разногласия между руководящей верхушкой церковно-общественных организаций и рядовыми членами.

Положение церковных дел в Саратовской епархии за годы епископства Гермогена пришло в упадок. Чрезмерное увлечение владыки политической деятельностью и его постоянное стремление к самовластному управлению епархией со временем приобрело разрушительный характер, выразившись в невыполнении распоряжения местных и центральных органов государственного управления, расходовании наличных средств из архиерейской кассы не по назначению, открытии без ведома Синода скитов и монастырских подворий по всей епархии, не имеющих материального обеспечения, и т. п. Проводимая им жесткая линия на политизацию епархиальной жизни произвела раскол внутри духовенства саратовской епархии, усугубила и без того сильную разобщенность православного клира. Все это еще больше осложнило положение Саратовской епархии, испытывающей на себе последствия общего кризиса Православной церкви.

Список библиографических ссылок

1. Саратовские епархиальные ведомости (СЕВ). 1905. № 5. С. 303.
2. Государственный архив Саратовской области. (ГАСО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 5848. Л. 129, 134.
3. В исследованиях по истории Православной церкви начала XX в. употребляются наименования «Русская православная церковь» и «Православная Российская церковь». Нами применяется последнее, как используемое самой церковью до 1945 г.
4. СЕВ. 1905. № 5. С. 303; Саратовский духовный вестник (СДВ). 1906. № 44. С. 11.
5. СДВ. 1908. № 15—16. С. 6.
6. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 47; Ф. 135. Оп. 1. Д. 5571; 5574; 5575; 5845—5849.
7. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 47. Л. 11 об., 12.
8. Устав общества под названием «Союз Русского народа». СПб., б/г. // ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 18. Д. 7289.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 189. Д. 8393. Л. 11.
10. СЕВ. 1905. № 8. С. 458.
11. СДВ. 1908. № 17. С. 6.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2353. Л. 62.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2480. Л. 8 об.—9об.
14. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7589. Л. 295—295 об.
15. СДВ. 1905. № 1. С. 11.
СДВ. 1906. № 47—48. С. 8.